

РУССКОЕ «МОРС» И ЕГО ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Исследуется функционирование слова «морс» в русском языке со времени первой письменной фиксации до современного состояния. Рассмотрены особенности и ключевые характеристики морса как одного из напитков, занимавших важное место в рационе славян. Проведенный этимологический анализ включает аналитический обзор всех существующих гипотез о происхождении слова. Обосновывается точка зрения о заимствовании слова «морс» из румынского языка.

Ключевые слова: этимология; семантика; история русского языка; сравнительно-историческое языкознание; лингвокультурология.

Установление этимологии слова неразрывно связано не только с собственно лингвистическими процедурами, но и с внеязыковыми фактами реальной действительности. Этимологический анализ невозможен без опоры на историю, этнографию, культурологию и другие дисциплины, так как неправильно судить о происхождении слова без знаний о самом предмете, обозначаемом данной лексической единицей.

Современная этимология опирается и на данные традиционного фонетического анализа, и на словообразовательные и семантические принципы. Важную роль играет не только использование установленных фонетических законов и соответствий, но и изучение лексико-семантических универсалий, которые могут послужить важным критерием надежности той или иной этимологии. Для изучения семасиологических закономерностей истории лексических единиц необходимо привлечение экстралингвистических факторов: данных о бытовой и культурной среде исследуемого периода, в том числе о мифологии, фольклоре, материальной культуре и т.д. Такой подход к этимологическому анализу имеет достаточно длительную традицию: именно в этом русле развивались исследования представителей известной школы «слов и вещей», неокантианцев и неогумбольдтианцев, ученых, настаивавших на том, что семантический анализ слова невозможен без изучения соответствующего ему понятийного поля.

Результатом подобного этимологического анализа становятся не только данные об истории изучаемого слова, его формальных и семантических трансформациях, но и воссоздание соответствующих фрагментов языковой картины мира, установление определенных особенностей и способов познания действительности, характерных для носителей исследуемого языка.

Связь этимологии с нелингвистическими науками – явление разнонаправленное. Не вызывает сомнений тот факт, что не только для этимолога полезны, например, исторические и культурологические сведения, но и историк и культуролог могут пользоваться полученными в ходе этимологических исследований данными: «...моделирование семантической стороны этимологии корректируется или определяется нашими познаниями в области соответствующих культурно-исторических реалий <...> этимология пока, строго говоря, не может полностью уложиться в рамки только языкознания. Она находится в известной зависимости (хотя и не во всех случаях) также от нелингвистических данных, в связи с чем некоторые ее выводы небезразличны и для других областей науки» [1. С. 24].

При этимологизации лексических единиц, входящих в тематическую группу «Названия напитков», экстралингвистические факторы достаточно часто имеют определяющее значение. Например, именно аргументы экстралингвистического характера играют существенную роль в определении истоков русского слова *морс*, не имеющего общепризнанной этимологии.

В Большом академическом словаре фиксируются два значения слова *морс*: «Морс, а и у, м. 1. Прохлаждающий сладкий напиток, приготовленный из сока ягод или плодов. 2. Фруктовый или ягодный сок, используемый для приготовления вина» [2. С. 1276]. В первом значении слово активно употребляется в современном языке, тогда как второе в настоящее время является малоупотребительным.

Слово *морс* впервые зафиксировано в XVI в. В частности, в «Домострое» оно не просто упоминается, но и сопровождается одним из рецептов этого напитка:

«А ставити морсь ягодной простои каких ни буд ягодь, ино положыт(ь) ягодь с водою в котель чтоб поняло, и х котлу б не пригорһли, да варити в котлһ ягоды с водою гораздо, покамһсть ягоды роскипятся, а как ягоды роскипятца, ино поставити на ноч(ь). Как ся отстоит морсь ягодной от гущи на чисто, ино сложыт(ь) тот морсь ягодной в бочки, в которой бы бочкһ дрожжей не было» [3. Вып. 9. С. 267].

Относительно позднюю фиксацию слова, обозначающего столь «простой» продукт из природного сырья, вероятно, можно объяснить тем, что напитки, содержащие ягоды и плоды в качестве основного компонента, по-видимому, долгое время не занимали на столах славян сколько-нибудь значимого места, уступая напиткам на основе зерна (пиво, квас и т.д.) и меда. Между тем плодовые и ягодные добавки, например в квасы и меды, пользовались большой популярностью, а приготовление ставленых красных медов и вовсе было невозможно без применения различных видов ягод.

Согласно Словарю русского языка XI–XVII вв., в XVI в. слово *морс* имело несколько отличное от современного значение:

«Охлажденный ягодный отвар; плодовой сок» [3. Вып. 9. С. 267] (в современном русском языке *морс* – это именно разбавленный (или переваренный), т.е. обязательно подвергшийся переработке сок ягод). В XVI–XVII вв. слово достаточно активно употребляется:

«Есть иные разные овощи из которых морсь дһлають, подобень красному вину. Козм., 236. 1670 г. *Морсь вишней, клюковный, терный, черемховый, яблочный* и др. Послати... вишнею морсу и малинового в

два оловяника. Дм., 123 XVI в. Схры горячеи на брус утерти да морсу клюковнаго. Указ о промысл., 3. XVII в. На... ледникъ въ бочкѣ масла деревяннаго пуда съ 2. Да морсы отстоялые старые. Въ бочкѣ черемховаго морсу съ ведро. Въ бочечкѣ-жь тернаго морсу съ ведро-жь... В бочечкѣ морсу яблочнаго съ ведро. Росп. им. Н. Ром., 8. 1655 г.» [Там же].

В XVI–XVII вв. формируется ряд составных наименований различных видов морсов: *морс белый, вишневый (вишиний), клюковный, красный, малиновый, отстоялый старый, смородиновый, старый, отстоялый старый худой, терный, черемховый, яблочный, ягодный* [4. С. 125–127]. Таким образом, в рассматриваемом периоде морсы различали по ряду дифференциальных признаков: цвет (белый / красный), основной ингредиент (вишневый / клюковный / малиновый / смородиновый / терный / черемховый / яблочный / ягодный), время и качество выдержки (отстоялый старый / старый / отстоялый старый худой).

В Словаре русского языка XVIII в. семантика слова расширяется еще больше, кроме того, добавляется «техническое», винодельческое значение, фиксирующееся и в современном языке:

«МОРС, а и у, м. *Плодовый или ягодный сок*. Нехудое из вишен дѣлают употребление: собирая оныя жмут морс или сок и употребляют оной с водою вмѣсто обыкновеннаго питья. Пут. Леп. I 216. Земляничной морс или сок. Сельск. леч. 773. Клюковный, яблочный морс. Нажать морсу. САР2 III 858. || *Напиток, вино из плодов или ягод*. Вишневой морс сколько раз ты мнѣ ни подносишь, Рюмку досуха всегда выпить меня прошишь... Правда, что это вино... Цосно, да благослови выплнотуть то, сударь. Трд. СРС 82. В винодѣлии: морс: наливка на виноградные выжимки, второе вино. Ад. II 112» [5. Вып. 13. С. 37].

В XVIII в. от слова во втором значении было даже образовано прилагательное:

«Морсовой, ая, ое. Морсовой вкус имѣть, морсом отзыватья, как то иногда у молодых вин бывает. Ад. II 83» [Там же].

Однако Словарь Академии Российской фиксирует у слова *морс* только одно значение:

«Сокъ выжатый изъ ягодъ или изъ плодовъ» [6. Ч. 4. С. 258].

Такое же значение и в словаре В.И. Даля:

«ягодный и вообще плодовой сокъ» [7. С. 911].

Современное значение слова выходит на первый план, судя по всему, в XX в. (например, в словаре Д.Н. Ушакова: «МОРС, а, мн. нет, м. Прохладительный напиток, приготовленный из сока ягод или плодов» [8. Стб. 262]).

Помимо русского, слово *морс* зафиксировано также в украинском и белорусском языках. Белорусское *морс* «ягадны або фруктовы напітак» [9. С. 71] и украинское *морс* «напій із соку ягід» [10. С. 517] заимствованы из русского. В других славянских языках это слово отсутствует [11. С. 544].

Этимология слова *морс* не ясна. В историко-лексикографической работе Н.Н. Поляковой, посвященной наименованиям русских напитков XI–XVII вв., отмечается неясное происхождение слова со ссылкой на этимологический словарь М. Фасмера [12]. В свою

очередь, авторы этимологических словарей русского языка указывают на ряд возможных гипотез как об исконном, так и о заимствованном характере слова.

Сторонники исконного происхождения слова *морс* сближают его с глаголом *моросить* или с существительным *морошка*. Так, о связи с *моросить* как наиболее вероятной этимологии пишут Ф. Миклошич [13. С. 202] и М. Фасмер [14. С. 658]. На возможное родство со словом *морошка* указывает Г.П. Цыганенко [15. С. 241].

Глагол *моросить* впервые упоминается в словаре В.И. Даля: «Моросить, идти мелкому дождю, ситничку, бусить» [7. С. 911].

Общепринятой этимологии этого слова нет. М. Фасмер сближает его со словен. *mršéti* «чуть слышно идти (о дожде)», *mrščati* «струиться, моросить», с лтш. *mergâ, margâ, mârğa* «тихий дождь», *merguoû* «тихо идти (о дожде)», далее с греч. βρέχω «увлажняю», βροχή ж., βροχέτος м. «дождь» [14. С. 657]. А. Преображенский считает глагол *моросить* родственным словам *мерзок, мерзнуть* и *мороз* [16. С. 558].

Поздняя фиксация и неясность происхождения слова *моросить* делают крайне затруднительными рассуждения о его родстве с существительным *морс*. Кроме того, многочисленные вопросы вызывает семантический аспект такой этимологизации. В данном случае можно было бы предположить следующую семантическую модель: «изливать жидкость (воду)» – «напиток, приготовление которого включает в себя добавление жидкости (воды)». Например, *наливать* – *наливка*.

Однако глагол *моросить* используется исключительно при описании природных явлений и «природной жидкости» – дождя – и не употребляется для номинации каких-либо операций с водой, которые могли бы совершаться при приготовлении морса, поэтому вышеописанную семантическую мотивировку следует признать спорной.

Более вероятной в семантическом отношении является гипотеза о родстве существительного *морс* со словом *морошка*. Эта лексическая единица впервые зафиксирована в XVI в.:

«МОРОШКА (марушка, морушка, мурошка), ж. *Морошка*. По-русски морушка ягода. Травник. Любч., 434. XVII в. 1534 г. Два ведра ягод мурошки. Кн. расх. Корел. м. № 935, 38. 1559 г. Купил ягод морошки про мнстерскую службу про свои обиход пять мер. Арх. Ант.-Сийск. м., № 9. Кн. прих.-расх. 1639 г. Сулея ренского съ малиною... Сулея ренского съ марушкою. Д. Шакловит. IV, 114. 1686 г. Покупка ягод морошки. Кн. расх. Холмог. арх. д. № 108, 125 об. 1696 г.» [3. Вып. 9. С. 267].

В словаре русского языка XVIII в. также отмечено рассматриваемое слово:

«МОРОШКА, и, ж. В сем унздѣ <Вологодском> междо лѣсными овощами, множество морошки. ЛТ I 272. Морошка. Полудеревцо подобное малиновому, приносящее ягоды, Морошка же называемая; сложением как малина, цвѣтом бѣложелтая. Сл. нат. ист. I 311. Так же не забудьте прислать по первому зимнему пути... клюквы и морошки моченой кадочку. Бум. Дшк. 583» [5. Вып. 13. С. 37].

В XVIII в. фиксируется и производное слово *мо-рошник*, утраченное в современном языке: «1. Куст

морошки. САР2 III 856. 2. Напиток из морошки. САР2 III 856» [Там же]. В.И. Даль добавляет еще два производных, которые также достаточно быстро вышли из активного употребления: *морошевка*, *морошковка*, «морошковая наливка» [7. С. 911].

О происхождении слова *морошка* нет общепринятой точки зрения (подробнее об этом см., например в [14. С. 658; 16. С. 558]). Однако наиболее вероятной представляется гипотеза о заимствовании из финно-угорских языков: например, М. Фасмер упоминает такие формы, как финское *muigain*, *-imen*; *muigan*, род. п. *muigamen* – то же, манси н. *погах*, *погех*, ханты *mūgəx*, *погəŋk*, коми *mij* – то же, ненецкое *пагага*, нганасанское *muга'ka*. энецкое *пагага* [14. С. 658]. В пользу этой версии этимологии говорит наличие вариантов слова, зафиксированных в словаре русского языка XI–XVII вв. (марушка, морушка, мурушка), а также то, что морошка преимущественно произрастает на территориях, смежных с местами проживания финно-угорских народов.

Сближение слова *морс* с существительным *морошка*, вероятно, мотивировано именно простотой и распространенностью семантической модели, которая могла бы лечь в основу этого гипотетического образования: «основной компонент напитка» → «напиток».

В нашем случае модель была бы такой: *морошка* (основной компонент) → напиток из морошки (*морс*) → напиток из любой ягоды (*морс*).

Однако принять эту гипотезу мешают формальные затруднения: подобная словообразовательная модель (вероятно, усечение + формант *-с-*) несвойственна русскому языку. Кроме того, зафиксированные составные номинации различных видов морсов указывают на то, что морошка не была популярным ингредиентом, используемым для изготовления данного напитка [12. С. 125–127].

Более распространенной является точка зрения о заимствованном характере существительного *морс*. По одной из гипотез, это слово произошло от немецкого *Möosbeere* «клюква» [11. С. 544; 15. С. 241]. П.Я. Черных [11] предполагает, что при заимствовании слово могло быть сокращено в **моср*, из которого впоследствии в результате метатезы получилось *морс*. В этом случае первоначальным значением существительного, вероятно, могло бы быть «напиток (сок) из клюквы», затем значение расширилось.

Однако эта гипотеза представляется достаточно спорной, так как даже если допустить, что все вышеописанные фонетические процессы имели место, остаются пробелы в семантической истории слова: непонятно, как и когда у него появилось значение напитка. В немецком первоисточнике это значение не зафиксировано, в русском же языке не осталось следов значения «клюква», поэтому оснований говорить об изменении значения после заимствования нет. В то же время стоит отметить, что клюква была достаточно популярным ингредиентом для изготовления морса, в текстах и словарях фиксируется номинация *клюквенный морс* [12. С. 125–127].

Согласно другой гипотезе, слово *морс* было заимствовано из румынского *mîrsă* «вода с медом, сок, жидкость» (которое, в свою очередь, произошло от латинского *mulsa* «медовый напиток» [17. С. 423]). В

данном значении румынское слово сохранилось и в современном языке: «*mîrsă* 1) мед (напиток); 2) сок, жидкость» [18. С. 556]. На возможность такой этимологизации указывает М. Фасмер [14. С. 658], а затем П.Я. Черных [11. С. 544].

С точки зрения семантики, эта гипотеза представляется достаточно правдоподобной, несмотря на то что в румынском слове содержится семантический компонент «мед», пришедший из латинского первоисточника (латинское *mulsum* / *mulsa* имеет значение «вино с медом» / «вода с медом»), который, на первый взгляд, не обнаруживается в значении русского слова *морс*. Однако имеются все основания, чтобы говорить о том, что непосредственным кулинарным «предком» русских морсов были именно различные меда с ягодными добавками – так называемые красные меда, изготовленные способом медостава (можно отметить сходство и в номенклатуре, и даже в некоторых аспектах приготовления).

Как уже отмечалось выше, слово *морс* впервые было зафиксировано в XVI в. Таким образом, предполагаемое время его заимствования (XV–XVI вв.) примерно совпадает с исторически важным для всей системы русских напитков этапом – переходом от питного меда к водке. Именно в это время, в XV–XVII вв., мед по ряду причин перестает быть самым популярным и востребованным русским алкогольным напитком, а его место постепенно занимает водка. Существенную роль в этом процессе сыграло постепенное сокращение объемов добычи основного сырья – меда, удорожание этого продукта, а также распространение технологии изготовления водки, надолго занявшей место традиционного самого популярного русского алкогольного напитка [19].

Можно предположить, что словом *морс* первоначально номинировался особый вид медово-ягодного напитка, похожего на румынский, который и обозначался словом *mîrsă*. Однако со временем, в связи с тем что значение питного меда как широко распространенного алкогольного напитка снижалось, собственно «медовый», хмельной компонент в составе морса также мог утратить актуальность и исчезнуть из рецептуры напитка, трансформировавшегося в безалкогольный морс.

Однако вполне вероятно, что слово *морс* могло обозначать сразу исключительно ягодный напиток (сок или отвар), а изменение значения произошло непосредственно при заимствовании. Меды на Руси чаще всего готовили именно с ягодными добавками. При изготовлении ставленых медов (более древний и трудоемкий способ) напиток получался путем естественного брожения кислого меда вместе с различными ягодами. После изобретения более дешевого способа – медоварения – популярность набрали белые меда, которые не требовали многолетней выдержки и допускали добавление большего количества воды. Однако красные меда с ягодными или фруктовыми добавками по-прежнему ценились выше, чем белые, в которые обычно добавлялись различные пряности [20].

О том, что в XV–XVI вв. морсы и питные меда имели определенное сходство, говорит и близость номенклатуры этих напитков. Судя по зафиксированным составным номинациям [12. С. 125–127], морсы диф-

ференцировались по тем же основаниям, что и виды питного меда:

По цвету: *морс белый, морс красный / мед белый, мед красный.*

По ягодному или фруктовому компоненту: *морс вишневый, морс малиновый, морс смородиновый, морс черемховый, морс яблочный, морс ягодный / мед вишневый, мед малиновый, мед смородиновый, мед черемховый, мед яблочный, мед ягодный.*

По времени выдержки: *морс старый, морс отстоялый / мед старый.*

Это косвенно свидетельствует о том, что на формирование рецептуры различных видов морсов могла оказать существенное влияние рецептура традиционных ставленых медов. Интересно отметить, что рецептура вареных, белых медов, в свою очередь, оказывается более близкой к рецептам различных водок (например, используются такие же приправы и добавки).

Всё вышеперечисленное позволяет с уверенностью говорить о том, что семантический переход «медовый напиток» – «ягодный напиток» был органичен для носителей русского языка XV–XVI вв., поэтому он мог иметь место при заимствовании румынского слова *mursă* «медовый напиток» в русский язык.

Родственные румынскому *mursă* слова со значением «вид медового напитка» фиксируются во многих романских языках. Помимо упомянутого выше молдавского / румынского *mursă*, это староитальянское *molsa*, логудорское *mussa*, сицилийское *ammursatu* «сладкое вино» [17. С. 423].

Все они восходят к латинскому *mulsa* «вода с медом» – субстантивированному существительному, которое было образовано от словосочетания *aqua mulsa* «вода с медом». Прилагательное *mulsus*, *-a*, *-um* «смешанный с медом», в свою очередь, восходит к существительному *mel* – «мед» (*mel + sus*) [21. С. 1141].

Поскольку в ряде языков в состав номинируемого напитка входило вино, можно предположить и связь рассматриваемой группы слов с латинским *mulsum* «напиток из вина и меда». Это латинское слово представляет собой субстантивированное существительное, образовавшееся из словосочетания *vinum mulsum* – «вино, смешанное с медом».

Неясным остается путь заимствования румынского слова *mursă* в русский язык: логично было бы предположить польское или украинское посредничество (как, например, в слове *брынза* [11. С. 115]), но в польском слово не зафиксировано, а в современном украинском является заимствованием из русского. Передаточной средой могли послужить карпатские диалекты, но в изданных на данный момент выпусках Общекарпатского диалектологического атласа слово не обнаружено. Косвенным свидетельством украинского посредничества при заимствовании румынского *mursă* в русский язык может быть фиксация этой леммы (правда, в составе собственного имени) в староукраинских документах XV в.:

«МОУРСЪ ч. (1) (особова назва, молд. мурсэ «медовий напій»): мы, Стефан воевода... знаменито чиним... ож(е) тот истины наш верны слоуга, пан Влад Моурсъ, слоужил нам право и верно (Сучава, 1469 ВД I, 135)» [22. С. 620].

Зафиксированное в словаре староукраинского языка собственное имя пришло из молдавского варианта (диалекта) румынского языка, в котором лексическая единица употреблялась сначала как название медового напитка (форма и значение слова аналогичны румынскому *mursă*), а затем стало антропонимом. Скорее всего, при передаче слова в русский язык (вероятно, при украинском посредничестве) первоисточником был именно молдавский вариант румынского слова.

Данная гипотеза подтверждается тем, что в XV–XVI вв. (предполагаемое время заимствования) носители молдавского диалекта взаимодействовали с носителями русского языка: «Молдавско-русские связи, экономические, церковные и политические, хотя и нерегулярно, но поддерживались на протяжении XV в.» [23. С. 24]. Однако непосредственное заимствование слова в русский язык из молдавского маловероятно – связи Молдавии и Москвы носили преимущественно дипломатический, «немассовый» характер и осуществлялись через послов и гонцов. Гораздо более вероятно заимствование из молдавского сначала в украинский, а потом в русский, так как молдавско-украинские языковые контакты были гораздо более активными и в XV, и в XVI вв. [23. С. 34–40]. В процессе заимствования через украинский язык мог произойти и переход *y > ou > o* (молдавское *мурсэ > украинское моурсъ > русское морсэ*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2004. Т. 1. 816 с.
2. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1950–1965. Т. 6.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2008. Вып. 1–28.
4. Полякова Н.Н. История наименований напитков в русском языке XI–XVII вв. М., 1982. 186 с.
5. Словарь русского языка XVIII века. Л. ; СПб., 1984–2004. Вып. 1–14.
6. Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1903–1909. Т. 2.
8. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Сов. энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 2.
9. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Минск, 1991. Т. 7. 315 с.
10. *Етимологічний словник української мови*. Киев, 1989. Т. 3. 552 с.
11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1999. Т. 1.
12. Полякова Н.Н. История наименований напитков в русском языке XI–XVII вв. М., 1982. 186 с.
13. Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886. 547 s.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986–1987. Т. 2.
15. Дыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989. 511 с.
16. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка : в 3 т. М., 1910–1914. Т. 1.
17. Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1911. 1092 s.
18. Румынско-русский словарь. М., 1954. 975 с.
19. Похлебкин В.В. История водки. М., 2007. 269 с.

20. Судаков Г.В. «Водка вину тетка»: Заметки о системе названий русских столовых напитков // Русская речь. 2003. № 1. С. 72–81.
 21. Oxford Latin dictionary. Oxford, 1968. 2126 p.
 22. Словарь староукраинского языка XIV–XV столетий. Киев : Наукова думка, 1977. Т. 1. 630 с.
 23. Мохов Н.А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев, 1961. 212 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 апреля 2014 г.

RUSSIAN MORS AND ITS ETYMOLOGICAL LINKS

Tomsk State University Journal. No. 382 (2014), 24-28. DOI: 10.17223/15617793/382/4

Lazarenko Anna I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Lazarenko-Anna@yandex.ru

Keywords: etymology; semantics; history of the Russian language; comparative philology; cultural linguistics.

Extralinguistic factors play an important role in the etymological analysis of words of the thematic group "Drink names". This fact proves when defining the origin of Russian *mors* which has no generally accepted etymology. The word *mors* was first fixed in the 16th century in *Domostroy* (Domestic Order). Its etymology is unknown. The existing theories can be divided into two groups: the native word origin and the borrowed word origin. The followers of *mors* native word origin theories associate it with the verb *morosit'* (drizzle) or with the noun *moroshka* (fenberry). Late fixation and unclear origin of *morosit'* make it really difficult to speak about its relationship with *mors*. Besides, multiple questions are caused by the semantic aspect of such an etymologization. The hypothesis of the relationship of *mors* and *moroshka* seems to be more probable. This connection is motivated by the simplicity and the prevalence of the semantic model which could underlie the hypothetical formation: "the main component of a drink" → "a drink". However, some formal issues do not allow accepting this hypothesis. Fixed composite nominations of different kinds of morses show that *moroshka* was not popular as an ingredient for making this kind of a drink. The idea about the borrowed nature of the noun *mors* is more widespread. According to one hypothesis, this word descends from the German *Möosbeere* (cranberry). This suggestion is disputable because of the phonetics; besides, there are some gaps in the semantic history of the word: it is obscure how and when it developed the meaning of a drink. According to another hypothesis, the word *mors* was borrowed from the Romanian *mürsă* (water and honey, juice, liquid) which, in its turn, originated from the Latin *mulsa* (honey drink). Semantically, this hypothesis appears to be rather probable, despite the fact the Romanian word contains the semantic component "honey" which came from Latin source, while, at first sight, Russian *mors* lacks it. Still, there are all reasons to state that different kinds of honey with berries were direct ancestors of Russian morses (so called "red honey" made by a special method – it is possible to note some similarities in both the formula and some aspects of making it). The way of borrowing the Romanian word *mürsă* into Russian is still unclear: it is consistent to suggest Polish or Ukrainian mediation, but the word is not fixed in Polish, and if to speak about Ukrainian, it is borrowed there from Russian. But in spite of this, according to both formal and semantic attributes, the hypothesis about borrowing the word *mors* from Romanian seems to be the most probable one.

REFERENCES

1. Toporov V.N. *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies in etymology and semantics]. Moscow, 2004. Vol. 1, 816 p.
2. Chernyshev V.I. (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [The Dictionary of the Modern Russian literary language. In 17 vols.]. Moscow, Leningrad, 1950-1965.
3. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th-17th centuries]. Moscow, 1975-2008. Issues 1-28.
4. Polyakova N.N. *Istoriya naimenovaniy napitkov v russkom yazyke XI-XVII vv.* [The history of the names of drinks in the Russian language of the 11th-17th centuries]. Moscow, 1982. 186 p.
5. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [The Dictionary of the Russian Language of the 18th century]. Leningrad, St. Petersburg, 1984-2004. Issues 1-14.
6. *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [The Dictionary of the Russian Academy]. St. Petersburg, 1789-1794. Parts 1-6.
7. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols.]. Moscow, 1903-1909.
8. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. Moscow: Sov. entsikl.: OGIZ Publ., 1935-1940.
9. *Jetymalagichny slovník belaruskaj movy* [The Etymological Dictionary of the Belorussian Language]. Minsk, 1991. Vol. 7. 315 p.
10. *Etymologichnyj slovník ukrainskoj movy* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Kiev, 1989. T. 3. 552 p.
11. Chernykh P.Ya. *Istorično-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [The Historical Etymological Dictionary of Modern Russian. In 2 vols.]. Moscow, 1999.
12. Polyakova N.N. *Istoriya naimenovaniy napitkov v russkom yazyke XI-XVII vv.* [The history of the names of drinks in the Russian language of the 11th-17th centuries]. Moscow, 1982. 186 p.
13. Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, 1886. 547 p.
14. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. Moscow, 1986-1987.
15. Tsyganenko G.P. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language.]. Kiev, 1989. 511 p.
16. Preobrazhenskiy A. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [The Etymological Dictionary of the Russian Language. In 3 vols.]. Moscow, 1910-1914.
17. Meyer-Lübke W. *Romanisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1911. 1092 p.
18. Andrianov E.A., Mikhál'cha D.E. (eds.) *Rumynsko-russkiy slovar'* [The Romanian-Russian dictionary]. Moscow, 1954. 975 p.
19. Pokhlebkín V.V. *Istoriya vodki* [The history of vodka]. Moscow, 2007. 269 p.
20. Sudakov G.V. "Vodka vinu tetka": Zаметки о системе названий рус. столовых напитков ["Vodka is the aunt of wine": Notes on the system of names of Russian table beverages]. *Russkaya rech'*, 2003, no. 1, pp. 72-81.
21. Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968. 2126 p.
22. *Slovar' staroukrainskogo yazyka XIV-XV stoletiy* [The Dictionary of the Old Ukrainian Language of the 14th-15th centuries]. Kiev, Naukova dumka, 1977. Vol. 1, 630 p.
23. Mokhov N.A. *Ocherki istorii moldavsko-russko-ukrainskikh svyazey* [Essays on the history of the Moldovan- Russian-Ukrainian relations]. Kishinev, 1961. 212 p.

Received: April 08, 2014